

Их будущее было таким мрачным, а Да Хуан просил его купить маджонг. Шутки в сторону, купить несколько пачек стирального порошка было бы практичнее. Можете представить жизнь без стирального порошка, мыла или шампуня? Конечно, он не мог рассказать об этом другим, так как его опыт было трудно объяснить. Вдруг его сочтут сумасшедшим?

К тому же, как объяснить собаке, что будущее будет тяжёлым, и сейчас нужно думать о запасах, а не о маджонге? Не то чтобы Гао Чан недооценивал интеллект Да Хуана, но тот выглядел не слишком серьёзным. Поэтому он сказал:

— Если у тебя есть деньги, я куплю.

Но откуда у Да Хуана деньги? Он чесал голову, но так и не придумал, как их раздобыть. Хотя он теперь был здоров и ловок, мог перепрыгивать через заборы лучше кошки, воровство было ниже достоинства Клана Псов. Особенно Да Хуан, как потомок Бога-пса, чья память могла быть передана следующим поколениям. Он не мог опозорить свой клан.

Деньги действительно поставили Да Хуана в тупик, и он на несколько дней замолчал. Когда Гао Чан уже подумал, что тот отказался от идеи, Да Хуан заявил, что у него есть деньги.

— Деньги? Откуда?

Неужели он всё-таки полез через забор?

— Это не совсем мои деньги... А древние монеты ещё в ходу?

Да Хуан осторожно спросил, прижимаясь к земле и внимательно наблюдая за Гао Чаном, боясь, что тот скажет «нет».

— Надо посмотреть. Обычно древние монеты сейчас имеют только коллекционную ценность, продать их непросто.

Гао Чан нахмурился. Древние монеты? Неужели этот парень собирается копать могилы? Оказалось, что деньги действительно нужно было выкопать, но не из могилы, а из их бамбуковой рощи. Да Хуан сказал, что это были монеты, закопанные древними людьми на своей земле, а не погребальные подношения.

Сомневаясь, но всё же взяв лопату, Гао Чан последовал за ним в рощу. Этот участок бамбука был общим достоянием деревни, переданным предками. Все здесь копали бамбуковые побеги. Раньше некоторые искали здесь сокровища, но, кроме разбитой посуды, ничего не находили. Деревенские говорили, что их предки были бедны и не оставили ничего ценного.

— Эй, А Чан, твоя бабушка только что копала побеги, а ты опять за своё?

Чжэн Гохун, шедший с лопатой с поля, увидел А Чана и сразу нахмурился. Бамбук из этой рощи продавали каждый год, а вырученные деньги шли на общие нужды, вроде ремонта дорог или прокладки электричества. Если кто-то копал побеги слишком часто, это вызывало недовольство.

— Перегрелся, копаю побеги, чтобы охладиться.

Гао Чан бросил это, не обращая на него внимания, и углубился в рощу.

Их глава деревни, Чжэн Гобан, был слабаком, умевшим только говорить красивые слова. Он и Чжэн Гохун были двоюродными братьями, одного деда. Чжэн Гобан мог ладить с начальством, так как был красноречив, но управлять деревней не умел, и Чжэн Гохун часто ему помогал. Со временем он тоже стал чем-то вроде главы деревни.

Недавно именно он предложил Бабушке Гао избавиться от Да Хуана, якобы ради блага деревни. Жаловаться было не на что, но Гао Чану этот человек был неприятен.

К счастью, Да Хуан теперь выздоровел, его шерсть блестела, и он больше не выглядел больным. Раз он не мог никого заразить, Гао Чан мог оставить его, и никто не мог возразить. Но Чжэн Гохун, похоже, всё ещё держал на это зло, вероятно, из-за того, что Гао Чан не послушался его.

Гао Чан и в прошлой жизни не любил Чжэн Гохуна, и после перерождения это не изменилось. Но он решил быть сдержаннее, так как ему ещё предстояло жить в деревне. Пока Чжэн Гохун не лез к нему, Гао Чан не собирался его провоцировать.

Пройдя с Да Хуаном по роще, они остановились у развалин. Бамбук здесь рос густо, и редко кто заходил так далеко.

— Здесь?

Гао Чан вырос рядом с этой рощей, но сюда заходил редко. Бамбук был слишком густым, а его оболочка, покрытая колючками, цеплялась за одежду и не отстирывалась.

— Вот здесь! Копай здесь!

Да Хуан начал рыть землю лапами, разгребая слой опавших листьев и обнажая чёрную почву.

— Отойди, я сам.

Гао Чан поднял Да Хуана и посадил его на стену. С его маленькими лапами он бы копал до темноты.

Гао Чан был знаком с сельским трудом. Их семья сама выращивала рис, а бабушка, хоть и могла справляться с домашними делами, уже не могла работать в поле. С тех пор как он пошёл в среднюю школу, он сам обрабатывал их рисовые поля. Сначала бабушка помогала, но постепенно вся работа легла на его плечи, а она лишь ухаживала за огородом.

Сделав несколько ударов лопатой, он быстро пробил слой земли. Гао Чан думал, что придётся копать глубоко, но уже через пять минут лопата ударилась о что-то твёрдое. Он бросил лопату и начал копать руками. Кто знает, что ценнее — сам кувшин или его содержимое? Один неосторожный удар мог разрушить древний артефакт.

— Нашёл?

Да Хуан сразу спрыгнул со стены и полез в яму, вытащив несколько осколков керамики. Гао Чан осмотрел их — серые и невзрачные, не представлявшие ценности. Это были не древние времена, и они не стоили много.

— Это можно продать?

Да Хуан вылез из ямы с медной монетой в зубах. Гао Чан взял её и увидел знакомый узор — квадрат внутри круга, с надписью «Канси Тунбао» и иероглифом «Юг» на обратной стороне. Сложно сказать, сколько она стоила, но их было много. Собрав все монеты, он насчитал двести семьдесят три штуки. Как минимум, это было пятьсот-восемьсот юаней.

— Можно продать.

Гао Чан кивнул, и Да Хуан обрадовался. Его маджонг был почти у него в кармане.

Гао Чан закопал яму, завернул монеты в одежду и, взяв лопату, отправился домой.

На этот раз он был щедр. Не дожидаясь продажи монет, он сразу купил в городке набор маджонга. Он убрал карты с полосками и кругами, оставив только карты с символами «Вань», ветра и цветов.

— Ты правда хочешь играть?

Стол в комнате Гао Чана был перенесён в центр, и они сели друг напротив друга: он на стуле, а Да Хуан на столе.

— Хочу.

Да Хуан серьёзно ответил.

— Тогда начнём.

Гао Чан улыбнулся, его чёрные глаза сверкнули хитростью.

После того как он отобрал карты, игра стала быстрой и азартной, с высокими ставками. Медные монеты, выкопанные в роще, они разделили поровну и использовали как фишки. Через пятнадцать минут перед Да Хуаном уже не было ни одной монеты, все они оказались у Гао Чана.

— Ты всё проиграл.

— ...Давай ещё немного.

Всего пятнадцать минут — это было слишком жестоко для потомка Бога-пса, только что подсевшего на маджонг.

— Когда найдёшь деньги, приходи играть.

Гао Чан зевнул и потянулся. Весь день он был занят и ещё не начинал практиковаться. Он сел на кровать, скрестив ноги, и начал медитировать.

<http://bllate.org/book/15437/1369023>